

Время тянулось медленно, словно капля за каплей. Он не мог ни уснуть, ни найти себе места, лишь следил, как золоченые напольные часы отсчитывают мгновения: десять, одиннадцать, двенадцать.

Впервые он внимательно оглядел комнату молодого господина Цзиня. Несмотря на то, что её успели украсить в пестром, вычурном стиле, в ней всё еще угадывалась былая утонченность. В спальне не было книжных полок, лишь несколько безделушек да пара томов легкого чтения в изголовье кровати. Цзинь Шиань взял одну книгу, полистал, но не понял ни слова.

Его охватило злорадство: если бы сейчас здесь оказался тот самый молодой барин, стал бы он так же безвольно, словно в омут, окунаться в постель с двумя девчонками, как это было с Цинь Сюаньхуэй?

Раздражение, какого он еще не испытывал, нарастало, и, не зная, куда деть эту ярость, он распахнул окно, жадно вдыхая ночной воздух.

Именно в этот момент к нему пришло озарение: есть проблемы, на которые можно пойти на компромисс, а есть те, где это невозможно. Его взгляды на жизнь совершенно не вязались с этой эпохой и с этой семьей. Стоит уступить в одном — и тысячи других требований потянутся следом. Сегодня — наложница, завтра — законная жена; сегодня — первая брачная ночь, завтра — дети; сегодня — дела бизнеса, завтра — нажива на несчастье страны. Бесчисленные пути ждали, чтобы сковать его, ведь он нуждался в них, в этой семье, в этом времени. Чтобы обрести право голоса, нужно было пожертвовать свободой, достоинством и любовью.

Если он продолжит так прогибаться, то неизбежно изменится и станет вторым молодым господином Цзинем. Вряд ли тот был по натуре холодным человеком, просто он привык уступать, настолько привык, что очерствел.

Но, в конце концов, зачем вообще жить в такой омерзительной семье?

Он хотел уйти отсюда, сбежать из места, которое находилось в сотнях тысяч ли от того, что принято называть прогрессом. Это совсем не тот сюжет, который ему нужен, верно? Враг уже вторгся в страну, разве не время для героической киноленты о сопротивлении? Почему всё внезапно превратилось в эротическую драму? Да еще и с двумя юными девицами!

Чуньлань и Чуньсин продолжали всхлипывать. Цзинь Шиань раздраженно обернулся:

— Заткнитесь! Три часа уже воете, когда это кончится? Если не перестанете, я вас ударю! Живо надели одежду!

Девушки в испуге притихли, не зная, что предпринять, и лишь дрожали, сжавшись в комок на полу.

Цзинь Шиань снова схватился за волосы. В голове вспыхнули яркие мысли — словно озарение в

безвыходной ситуации. Он понял, что его ярость вызвана не только подлостью Цзинь Чжунмина или тем, что его пытались обвести вокруг пальца. Причина была в другом: у него уже был любимый человек, и он не мог вынести, чтобы кто-то другой сорил песком в его глазах.

Да, последние дни казались ему вечностью, он словно заболел любовной лихорадкой: и проснувшись, и засыпая, он думал только об одном человеке. На самом деле, никаких высоких мотивов у его пребывания здесь не было — он пришел сюда ради того человека, и сейчас, если хочет вернуться, то тоже только ради него.

Он ходил от окна к окну, и все вопросы, терзавшие его целый год, вдруг прояснились. Раньше это были государственные дела, теперь — личные чувства, и всё это сплелось воедино.

В вихре неистового гнева он внезапно обрел холодную, рассудочную ясность. А за этой рассудочностью проступило мальчишеское упрямство, свойственное всем мужчинам: осознав свои чувства, он больше не мог и не хотел сдерживать этот порыв. Чувство долга перед страной и чувство к близкому человеку — раньше они противоречили друг другу, словно нельзя было служить родине и хранить верность любимым, но в этот миг они слились воедино. Две эти линии сошлись в образе конкретного человека, который был ему дорог. Они толкали его в спину, тянули за руки, открывали глаза, заставляя увидеть свое сердце. Он больше не спешил и не злился, погрузившись в жаркую страсть, которая, дойдя до предела, обернулась ледяным спокойствием.

Он внимательно осмотрел окно — и действительно нашел выход.

К стене была приставлена лестница, вероятно, оставленная рабочими, вешавшими праздничные фонари. Особняк Цзиней был трехэтажным, и лестница стояла надежно, прямо у его окна.

Если не бежать сейчас, то когда?

Президент Цзинь украдкой глянул вниз — никого. Он принял решение немедленно лезть в окно. Чуньсин и Чуньлань застыли от изумления. Шиань оглянулся на них, подумал, что оставлять их здесь нельзя, и вернулся обратно.

— Вы обе, осмелитесь сбежать со мной?

Девушки остолбенели.

— Черт возьми, отвечайте! Если останетесь здесь, дед вас точно сгубит. Знаете, как добраться домой?

Чуньсин вытерла слезы:

— Если доберемся до пристани, мы с сестрой сможем вернуться домой. Но, господин, у нас нет денег. И разве позволит нам дедушка уйти?

Чуньлань оказалась решительнее сестры, да и сама не хотела становиться наложницей:

— Я знаю дорогу к пристани. Господин, если вы правда смилуетесь и отпустите нас, мы немедленно скроемся, и дедушка нас не найдет.

Сестра есть сестра, эта девушка знала, что делать.

Цзинь Шиань кивнул, вспомнив о деньгах:

— Я знаю, у кого они есть. Спускайтесь первыми, придерживайте лестницу. Не бойтесь, если что — я отвечу!

Спустя десятилетия он всё еще помнил ту тихую улицу и дрожащий свет фонарей, отражающийся в красной ткани. Весь Нанкин был окутан холодом новогодней ночи. Он прыгнул вниз из высокого здания, похожего на тюрьму, изо рта вырывался теплый пар, резкий зимний ветер хлестал по лицу, а он бежал сквозь полумрак, желая лишь одного — увидеть того человека.

В тот момент его чувства были такими ясными и сильными, как в юности.

Словно первая любовь.

19 | Побег в ночи

Трое безумцев умудрились без единого звука спуститься с третьего этажа. Чуньсин и Чуньлань копались целую вечность, и Цзинь Шиань извелся, боясь, что их заметит ночной дозор.

Возможно, из-за праздника, но вокруг не было ни души.

Видимо, сама судьба решила не дать президенту Цзиню быть запятнанным пороками старого общества. Сцепив зубы, он прислонил лестницу к стене — шум был немалый, но в особняке Цзиней все спали как убитые, никто даже не вышел посмотреть.

Перебравшись через забор, они пустились бежать по направлению к улице Жунчжуан.

На кухне дома Бай Лушэн, дядя Чжоу и тетушка Лю ели кашу лаба. Лушэн ел без аппетита, и Чжоу Юй рассмеялся:

— Господин, вы кашу глазами едите, а не ртом.

Тетушка Лю тоже улыбнулась:

— В доме человека не хватает, вот и еда не в радость.

Лушэн смутился, отложил ложку и сказал:

— Сахара много, для горла вредно. Ешьте без меня, я пойду прогуляюсь.

Все засмеялись:

— Мы же не клали сахар, откуда вам сладость почудилась?

Лушэн ничего не ответил, накинул теплую куртку и медленно вышел на улицу, расхаживая взад-вперед перед воротами.

Цзинь Шиань ушел домой уже давно, не сказав, когда вернется, и не позвонив ни разу. Если бы это был прежний барин, он бы обязательно прислал длинное сообщение, чтобы вызвать тоску — но этот брат не отличался такой чуткостью. Лушэн подумал об этом и невольно улыбнулся. Улыбка превратилась в облачко белого пара, которое Лушэн проводил взглядом, пока оно не рассеялось в холодном ночном воздухе. На сердце стало мягко и тепло — это была не тоска, а просто нежное беспокойство.

Вдруг у ворот послышался грохот, словно били в барабаны. Лушэн вздрогнул:

— Кто там?

— Лушэн! Открывай! Это я!

Вот уж действительно — легки на помине. Лушэн обрадовался, с сияющей улыбкой распахнул ворота. Слуги, услышав, что вернулся господин, побросали миски и выбежали встречать. Но, увидев двух девушек за спиной Шианя, все переглянулись в недоумении.

Цзинь Шиань, запыхавшись, отмахнулся от Чуньсин и Чуньлань и, схватив Лушэна, потянул его внутрь, на ходу приказывая Чжоу Юю:

— Собери все деньги, что есть в доме, любые, до последней монетки!

Видя, что господин сам не свой, никто не решился расспрашивать, кто эти девушки. Их отвели на кухню, а Чжоу Юй бросился собирать наличность.

Лушэн, которого Шиань втащил в комнату, недоуменно спросил:

— Что с тобой? Кто эти девушки?

Шиань, переведя дух, с трудом выдавил:

— Дед купил их, чтобы сделать мне наложницами. Я не захотел и сбежал вместе с ними.

Лушэн побледнел от испуга:

— Дедушка не знает, что ты вернулся?

— Плевать мне на него, он хотел запереть меня в доме. — Он указал на улицу. — Там две девчонки, дед сказал, если за три месяца не забеременеют — забьет до смерти. Я, черт возьми, не могу этого терпеть.

Лушэн никак не ожидал такого поворота и засуетился:

— Что же теперь делать? Если ты вот так сбежал, завтра дедушка точно пришлет людей, чтобы схватить тебя.

— А я буду ждать, пока он придет? Я уезжаю, Лушэн. Поедешь со мной?

— ...Куда?

— Искать коммунистов. Помнишь, я говорил, что я попал сюда из будущего? В будущем Китай будет за коммунистами. Мы примкнем к ним и уедем отсюда. Пойдем в армию, будем бить японцев, нечего нам с этим старым мерзавцем Цзинь Чжунмином путаться. — Выпалив всё это на одном дыхании, он вдруг засомневался. — Я боюсь... боюсь, что если я уеду, дед сорвет злость на тебе... Лушэн, ты хочешь поехать со мной?

Лушэн долго смотрел на него, не произнося ни слова. Сердце Цзинь Шианя ушло в пятки.

Он опустил голову:

— Честно, я ничего такого не имел в виду, просто беспокоюсь о тебе. Поедем вместе в Шанхай, оттуда ты сможешь уехать в другой город, это всё равно лучше, чем торчать в этой дыре, где людей поедом едят.

Лушэн по-прежнему молчал.

Цзинь Шиань почувствовал себя полным идиотом: объявил о своей любви в одностороннем порядке, а когда дошло до дела, понял, что не может решать за двоих. Времени было в обрез, он смотрел только на Лушэна:

— Я правда не твой господин, но раз я сбежал, я не могу оставить тебя здесь на растерзание. В Шанхае разойдемся, деньги поделим поровну.

Лушэн не слышал, что он говорил, слезы сами собой катились из его глаз.

Цзинь Шиань, терзаемый противоречивыми чувствами, стиснул зубы:

— Едешь или нет?

Тягостное молчание повисло между ними, словно волны, то накрывая, то выбрасывая их на поверхность. Цзинь Шиань вдруг понял всю искренность признаний в дешевых сериалах. Он не ждал от Лушэна красивых слов, ему было важно лишь, чтобы тот был в безопасности.

Может, их время вместе подходит к концу, думал Шиань, но даже один день — это уже подарок. Отсюда до Шанхая — еще день, два.

Он не хотел его отпускать.

Да, у каждого человека бывает момент, когда включается механизм искренности, возможно, единственный раз в жизни — когда не понимаешь, почему, и боишься даже слово любовь произнести. Они оба опустили головы, погруженные в свои мысли.

Лушэн наконец открыл рот, голос его был едва слышен:

— Брат, я пойду за тобой на край света.

Шиань не расслышал, охрипшим голосом переспросил:

— Что ты сказал?

Лушэн поднял лицо и повторил чуть громче:

— На край света, я поеду с тобой.

Они смотрели друг на друга со слезами на глазах, не хватало только музыки из корейской дорамы.

Сцена до боли напоминала кульминацию мыльной оперы, которые Шиань раньше любил высмеивать за то, что герои в ответственный момент не делают ничего, а только читают сценарий. Теперь он сам вел себя так же нелепо и глупо спрашивал:

— Правда поедешь?

— Почему нет? Пойдем в армию, будем сражаться с японцами, это лучше, чем терпеть здесь унижения!

Президент Цзинь решил идти по шаблону до конца. Он, одуревший от счастья, спросил:

— Там не как здесь, никто прислуживать не будет, не боишься?

Лушэн вытер слезы и улыбнулся:

— Я с детства скитался по улицам, вырос в театральной труппе, чего мне бояться? Пока мы вместе, я ничего не боюсь!

Вот это настоящий сюжет для крутого романа!

Президента Цзиня переполнял восторг. Он энергично закивал:

— Я пойду возьму деньги у дяди Чжоу, собирай вещи, много не бери, всё равно на месте купим.

Лушэн согласился, и Шиань вышел за дверь, где его ждали тетушка Лю, дядя Чжоу и дядя Чэнь.

— Господин, идите. Деньги здесь, забирайте господина Бая и уезжайте подальше, мы возьмем всё на себя.

Шиань не ожидал такого от них — он думал только о Лушэне, но не о том, что им самим придется несладко.

— Поехали со мной!

— Куда уж нам. Господин, уходите скорее. Мы служили дедушке полжизни, он ценит верных людей, с нами ничего не случится.

Тетушка Лю была единственной пришлой, но она молчала, и Шиань тоже не подумал об этом, лишь кивнул:

— Простите меня. Деньги возьмите себе, возвращайтесь домой, уезжайте скорее. Не верю я, что дед будет преследовать вас до самого конца.

Всем было не до прощаний. Старый Чэнь повез их на машине к пристани, всю дорогу плакал и наконец не выдержал:

— Господин, куда же вы?

Лушэн смотрел на Шианя, а тот опустил голову:

— Не могу сказать, дядя Чэнь. Чем меньше вы знаете, тем лучше для вас.

Старый Чэнь, не в силах сдержать горе, замолчал. На пристани они наняли частную лодку. Шиань дал Лушэну денег и вложил их в руку Чуньсин:

— Уходите, не ищите своих бессердечных родителей. Мир велик, живите хорошо.

Чуньлань и Чуньсин трижды поклонились в ноги и ушли, заливаясь слезами.

Цзинь Шиань посмотрел на старого Чэня, не в силах вымолвить ни слова, и крепко обнял его:

— Берегите себя, дядя Чэнь.

У старого Чэня покраснел нос.

В ночь лаба все воссоединяются, провожая старый год. Но они прощались не только с годом, но и со всей своей прежней жизнью.

Мир таков: любовь, разлука — всё приходит неожиданно. Цзинь Шиань смотрел, как фигура старого Чэня исчезает в ночном тумане у реки. Он подумал: если бы это был роман, такой поворот назвали бы невероятным. Но ему было всё равно. Да, пора перевернуть страницу. Его жизнь не будет вечно состоять из дерьма, он прирожденный герой, он должен быть романтичным и храбрым.

20 | Подарок в дорогу

Лодка отошла от берега, отдаляясь от огней человеческого жилья. Цзинь Шиань и Лушэн сидели в каюте, растирая руки, и молчали.

В двенадцатом месяце по лунному календарю было слышно, как лед шуршит по воде. Оба высунулись наружу посмотреть. Лодочник подбросил дров в печь и рассмеялся:

— Вам повезло! В прошлые годы в это время река уже вставала, лодки не ходили. Вы в Шанхай, к родне или по делам?

Лушэн вежливо перевел тему:

— Простите, что побеспокоили вас перед самым праздником.

— Да что там! Жена напекла рисовых лепешек, не побрезгуйте, угощайтесь! На реке живем, какие тут церемонии?

Все засмеялись, из маленькой каюты на носу доносился смех женщины и ребенка.

Этот звук согревал.

Лодочник принес им тарелку лепешек и закрыл дверь, уходя отдыхать. Лушэн увидел, что Шиань опустил голову, и робко спросил:

— Ты сказал, что коммунисты возьмут власть, это правда?

Этот вопрос заинтересовал Шианя:

— Когда я тебя обманывал?

— Но господин Цзян постоянно их истребляет, в газетах пишут, что они сбежали в горы.

— Лушэн, есть вещи, которые никто не может предугадать. — Шиань взял Лушэна за руку. — Ты мог подумать, что мы вот так сбежим?

Лушэн с улыбкой покачал головой и спросил:

— А какой он будет, этот будущий Китай?

— Очень сильный, не хуже Америки, богатый. Как наша компания Хайлун, мы экспортируем товары по всему миру, иностранцы при встрече с нами говорят по-китайски, а если не знают — нанимают переводчиков. Эх, за границей все мне кланяются, иностранки на шею вешаются... А еще ракеты в космос летают! Не как самолеты, людей на Луну возят, те погуляют и назад — для Китая это пустяки!

Лушэн слушал с завистью, хотя всё это казалось ему небылицей, и лишь сдержанно улыбался:

— Не видал я еще таких хвастунов, как ты, но ладно, верю твоим сказкам!

Цзинь Шиань не спешил:

— Не веришь — твое дело, придет время — сам увидишь.

— А зачем мы едем в Шанхай?

Шиань запнулся — он пересмотрел шпионских сериалов и свято верил, что подпольщики прячутся именно там. Да, мир огромен, где их искать?

Лушэн увидел, как он смутился, и снова рассмеялся:

— Наверное, ты просто хочешь поехать в Шанхай развлечься, да?

— Развлечения стоят денег, нам нужно придумать, где устроиться, может, в армию возьмут, там видно будет. — Он толкнул Лушэна локтем. — Если кто спросит, кем мы друг другу приходимся, что мне отвечать?

— Скажи, что я твой младший брат.

— Где это видал такого красивого брата? Может, скажем, что муж и жена?

— Бесстыдник! Еще раз такое скажешь — в Шанхае разойдемся в разные стороны.

Они смеялись, толкая друг друга.

Они были молоды, и хотя разлука с прошлым была грустной, мысль о том, что впереди их ждут просторы, где никто не сможет их ограничить, наполняла их восторгом. Шиань смотрел на Лушэна, Лушэн смотрел в ответ. В их сердцах еще не было осознания, что это настоящий побег под покровом ночи, но предвкушение приключений жгло их изнутри, как яркое пламя в печи.

Ветер с реки обдувал их, они прижались друг к другу. Лушэн подумал: место, которое держало его в оковах больше десяти лет, осталось позади — оказывается, это так просто!

Разве нет? Если относишься к человеку искренне, побег — это всего лишь вопрос нескольких шагов.

Прошла ночь. В полдень Цзинь Чжунмин сидел в одиночестве, когда Ци Сунъи тихо спустился вниз:

— Молодой господин уехал.

Цзинь Чжунмин не шелохнулся.

Ци Сунъи вытер пот:

— Двух наложниц тоже нет, должно быть, он их забрал.

Цзинь Чжунмин кивнул:

— Значит, совесть он не потерял, всё же мой внук. — Через мгновение спросил: — Известно, куда направился? Деньги взял?

Старик всё же жалел внука, подумал Ци Сунъи, ведь он сам помог ему уехать, а теперь, не прошло и дня, уже начал волноваться. Он ответил:

— Знаю только, что лодки ушли вниз по течению. Две лодки, похоже, в Шанхай — прикажете разузнать подробнее?

— Зачем? Если сейчас начать искать, не вызовет ли это подозрений? Ладно, распустите слух, что он сбежал с актером, бросив дом, и с этого дня у меня нет такого внука. — Цзинь Чжунмин

тяжело вздохнул и встал. — Ты тоже уезжай в деревню. Ши Ин всегда был железным судьей, не любит поблажек, а ты много лет служил в доме Цзиней, не хочу, чтобы тебя впутали в это дело.

Ци Сунъи прослезился:

— Господин, не говорите так. Если мэр Ши пришел с визитом, значит, еще есть надежда.

Цзинь Чжунмин покачал головой:

— Разве его слова были недостаточно ясны? Он ждет, когда я приду с повинной. И я не прошу его о снисхождении, лишь бы не добивал лежащего.

Хозяин и слуга стояли в полуденном свете. Цзинь Чжунмин подумал, что в их роду, видимо, суждено быть малочисленности. Цзинь Шиань ведет себя безрассудно, но разве он, старик, не такой же? После смерти любимой жены он так и не женился снова.

<http://bllate.org/book/19790/1950123>